

Лу Чэнь прожил в лагере Клана Волков почти два месяца.

За это время его жизнь вошла в привычную колею. Он вставал до рассвета, отправлялся на тренировочную площадку и упражнялся с ножом, пока Бай Шуан не давала команду остановиться. В полдень обедал, после обеда продолжал тренировку. Вечером шел к ручью стирать одежду, а ночью сидел под старой софой, беседуя с Бай Ланом. Засыпал под шум ветра и вой волков. Дни сменяли друг друга, словно бегущая вода — не быстро и не медленно, но, оглядываясь назад, Лу Чэнь понимал, что прошел уже немалый путь.

Его владение ножом заметно улучшилось. Бай Шуан говорила, что он уже способен на равных сразиться с обычным молодым воином клана. Сам Лу Чэнь в это верил с трудом: во время спаррингов с Бай Шуан он по-прежнему пропускал удар в спину где-то после десятка выпадов. Однако Бай Лан уверял, что планка у Бай Шуан куда выше, чем у других, и если она сказала «на равных», значит, так оно и есть.

Его тело тоже непрерывно менялось. Он становился сильнее, быстрее, а ночное зрение — острее. Он научился чувствовать присутствие железа даже сквозь два слоя одежды — это помогло ему понять, почему Охотники на демонов используют серебряные иглы для проверки людей: серебро обладает особой реакцией на силу Клана Крови и при приближении слегка нагревается. Он никому об этом не рассказывал, даже Бай Лану. Не из недоверия, просто сам еще не понимал, что это означает.

Помимо тренировок, Лу Чэнь помогал жителям лагеря по хозяйству: колол дрова, таскал камни, чинил крыши и рыл канавы. За какую бы тяжелую или изнурительную работу ни нужно было взяться, он был тут как тут. Не то чтобы он хотел кому-то угодить — просто привык к труду на шахтах, а в безделье чувствовал себя не в своей тарелке.

Отношение обитателей лагеря к нему постепенно менялось. На смену первоначальной враждебности и равнодушию пришло сдержанное «этот человек вполне нормальный». Кто-то начал с ним здороваться, кто-то кивал при встрече, а некоторые молодые воины Клана Волков даже стали вызывать его на поединки — конечно, каждый раз выбивая из него дух. Но Лу Чэнь никогда не проигрывал один и тот же прием дважды. После поражения он анализировал технику противника, и, стоило ему во всем разобраться, в следующей схватке победа уже не была гарантирована сопернику.

Бай Лан говорил, что Лу Чэнь злопамятный. Лу Чэнь возражал, что это не злопамятность, а нежелание проигрывать дважды. Бай Лан настаивал на своем. Они спорили об этом несколько дней, так и не убедив друг друга.

В тот день после обеда Лу Чэнь колол дрова у входа в зернохранилище. Поставив чурбан толщиной с чашу, он занес топор и с силой опустил его — дерево с треском раскололось пополам и развалилось в стороны. Сложив наколотые дрова в поленницу, он взял новый чурбан и продолжил работу.

Те Я сидел у входа в хранилище, перед ним стоял кувшин с водой, и он наблюдал за процессом.

Солнечные лучи падали на седые волосы Те Я, ослепительно сверкая. Он щурился, напоминая старого кота, греющегося на солнце.

— Неправильно держишься, — внезапно подал голос Те Я.

Лу Чэнь остановился и вытер пот со лба.

— Что не так?

— Слишком высоко заносишь топор. Замах большой, удар выходит сильным, но точности никакой. Посмотри, сколько из этих десяти чурбанов расколота ровно посередине?

Лу Чэнь взглянул на поленницу. Большая часть дров была расколота криво, некоторые даже развалились на три части.

— Пять или шесть, наверное.

— Значит, с точностью беда. — Те Я поднялся, опираясь на посох, подошел ближе и забрал у него топор. — Смотри внимательно.

Те Я поднял топор — невысоко, всего до плеча. Прицелившись в центр чурбана, он нанес удар, и тот аккуратно развалился на две равные половины, словно нож прошел сквозь тофу.

— Точность важнее силы. — Те Я вернул топор Лу Чэню. — Силы у тебя уже достаточно, теперь нужно тренировать меткость.

Лу Чэнь взял топор, подражая старику, занес его до плеча, прицелился и ударил. Чурбан раскололся, но лезвие ушло в сторону: одна часть вышла толще другой.

— Еще раз.

Лу Чэнь взял новый чурбан и снова ударил. Опять мимо.

— Еще раз.

Лу Чэнь колол дрова весь остаток дня, перебив несколько сотен чурбанов. Его ладони стерлись до кровавых мозолей, руки ныли от усталости, но он не останавливался. Те Я сидел рядом, попивая воду и изредка бросая: Выше или Левее.

Когда солнце село, Лу Чэнь расколол последний чурбан. Топор опустился, и дерево идеально разошлось по центру на две одинаковые, гладкие половины.

— Пойдет, — Те Я встал и отряхнул пыль с брюк. — Научился.

Лу Чэнь прислонил топор к стене и, обессиленный, опустился на ступени, тяжело дыша. Его руки дрожали, кожа на перепонках между пальцами полопалась, сочилась кровь. Те Я вытащил из-за пазухи лоскут ткани и бросил ему.

— Замотай. Завтра продолжим.

— Завтра опять колоть?

— Завтра будем тренировать другое. — Те Я, постукивая посохом, направился прочь. — Завтра пойдешь со мной на север.

— Зачем?

— Смотреть на деревья, — не оборачиваясь, бросил старик. — На лесные деревья. Нужно уметь их отличать, чтобы знать, какие лучше горят, а какие годятся для прочных рукоятей ножей. — Пройдя несколько шагов, он остановился. — Не опаздывай. Приходи, как только рассветет.

Лу Чэнь смотрел ему вслед, понимая, что этот старик знает гораздо больше, чем он мог вообразить.

Вечером Бай Лан принес ужин и, увидев израненные руки Лу Чэня, нахмурился.

— Те Я заставил тебя колоть дрова?

— Угу.

— Весь день?

— Угу.

— Он такой, со всеми суров. — Бай Лан поставил еду на стол и присел на край кровати. — Когда он тренировал мою сестру, у нее руки были сплошь в кровавых мозолях, но он не давал ей передышки.

— Твоя сестра его ненавидит?

— Нет, — ответил Бай Лан. — Она знает, что Те Я желает ей добра. На поле боя никто не пощадит тебя только потому, что у тебя мозоли на руках.

Лу Чэнь взял чашку. На ужин был мясной бульон с лепешкой: бульон наваристый, лепешка размякла, есть ее ложкой было очень вкусно. Он съел полную чашку и попросил добавки.

— У тебя отличный аппетит, — заметил Бай Лан.

— Много тренируюсь.

Бай Лан прислонился к стене, наблюдая за ним.

— Лу Чэнь.

— Да?

— Ты думал, что будешь делать дальше?

Лу Чэнь прожевал кусок лепешки и задумался.

— Не знаю.

— Ты не сможешь вечно жить в клане Волков.

— Знаю. — Лу Чэнь отставил чашку и вытер рот рукавом. — Но сейчас мне некуда идти.

Бай Лан помолчал некоторое время.

— Хочешь посмотреть, что там, снаружи?

— Снаружи?

— Земли людей, земли Карликовых Духов, земли Крылатых. — Голос Бай Лана был тихим. — Мой отец говорил, что этот материк огромен, и на нем есть не только волки и Клан Крови. Там много других народов.

— Твой отец разрешил тебе уйти?

— Он не сказал ни да, ни нет. — Бай Лан посмотрел на потолочные балки. — Я хочу уйти. Но не хочу идти один.

Лу Чэнь посмотрел на него. Глаза Бай Лана, золотистые в свете масляной лампы, ярко сияли. В

этом взгляде он увидел то же, что чувствовал сам: неуверенность, смешанную с жадой странствий.

— Если пойдешь — я с тобой, — сказал Лу Чэнь.

Бай Лан на мгновение замер.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Тебе не страшно?

— Страшно, — признался Лу Чэнь. — Но еще страшнее не пойти. Страшно прожить всю жизнь на одном месте.

Бай Лан опустил голову и едва заметно улыбнулся. Но Лу Чэнь это увидел.

— Решено, значит. — Бай Лан встал. — Как придет весна, двинемся в путь.

— Сколько до весны?

— Три месяца.

Лу Чэнь кивнул. Три месяца — достаточно, чтобы отточить мастерство владения ножом и укрепить тело. Через три месяца он покинет это место и отправится смотреть мир.

На следующее утро, едва рассвело, Лу Чэнь отправился к зернохранилищу. Те Я уже ждал там, одетый в старый кожаный плащ, с посохом в руке и кувшином воды.

— Пришел? — старик мельком взглянул на него. — Пошли.

Они покинули лагерь и двинулись на север. Лу Чэнь уже бывал в северном лесу, но не заходил глубоко. Те Я шел впереди — медленно, но уверенно. Лу Чэнь следовал за ним, ступая след в след.

— Видишь это дерево? — Те Я остановился и указал на большую сосну. — Что это за дерево?

— Сосна, — ответил Лу Чэнь.

— Какая именно?

Лу Чэнь присмотрелся: ствол прямой, кора серовато-бурая, потрескавшаяся на отдельные чешуйки.

— Не знаю.

— Это красная сосна. Древесина мягкая, рубится легко, горит жарко, но быстро прогорает. В самый раз для готовки. — Те Я двинулся дальше и указал на другое дерево. — А это?

— Не знаю.

— Это дуб. Древесина твердая, рубить трудно, но горит долго — отлично подходит для обогрева зимой. Нужно учиться различать деревья. У каждого свое предназначение. Чтобы выжить в лесу, нужно знать всё: какие корни съедобны, какие плоды ядовиты, из какой коры можно свить веревку.

Лу Чэнь следовал за ним, впитывая знания. За утро Те Я научил его распознавать больше десятка видов деревьев, семь-восемь лечебных трав и пять-шесть видов съедобных дикорастущих ягод. Голова Лу Чэня пошла кругом, многое он не успевал запомнить, но Те Я успокаивал: не беда, со временем привыкнешь, весной всё равно будем в пути, там икрепишь знания на практике.

Когда солнце поднялось в зенит, Те Я присел под широким деревом и вытащил два куса сухого пайка, протянув один Лу Чэню.

— Ешь.

Лу Чэнь принял угощение и откусил кусочек. Еда была твердой, пришлось долго жевать, прежде чем проглотить.

— Те Я, — позвал он.

— М?

— Ты в молодости уходил далеко?

Те Я жевал, глядя на далекие горы.

— Уходил. Побывал во многих местах. Города людей, Кузнечный Зал Карликовых Духов, Пик Небесного Столпа Крылатых — везде был.

— Почему же ты вернулся?

Те Я надолго замолчал. Ветер пробежал по верхушкам деревьев, зашумела листва.

— Потому что здесь — дом.

Лу Чэнь смотрел на него. На лице старика не отражалось эмоций, но в его мутных глазах вспыхнул какой-то невыразимый свет. Не тоска и не сожаление — нечто гораздо более глубокое.

— Раз ты видел так много мест, какое из них лучшее? — спросил Лу Чэнь.

Те Я задумался.

— Нет места лучше дома. — Он доел последний кусок, встал и отряхнул штаны. — Пошли, пора возвращаться. После обеда тебя ждет тренировка.

Лу Чэнь поднялся и пошел следом. Он смотрел в спину старика. Плечи сутулые, нога прихрамывает, но шаг твердый, уверенный — каждый раз он ставил ногу всей стопой, прежде чем сделать следующий шаг.

Он вспомнил слова Бай Лана: Как придет весна, двинемся в путь. Лу Чэнь не знал, решится ли он уйти, когда весна действительно наступит. Не знал, что ждет его там, снаружи. Но, по крайней мере, теперь у него есть место, куда можно вернуться. И это не шахтерский барак и не захолустный уголок в городке. Это лагерь волков, деревянный стул у зернохранилища, нож Те Я, еда Бай Лана и брань Бай Шуан.

Наверное, это и есть дом, подумал он. Это не стены. Это люди.

<http://bllate.org/book/22378/2347705>